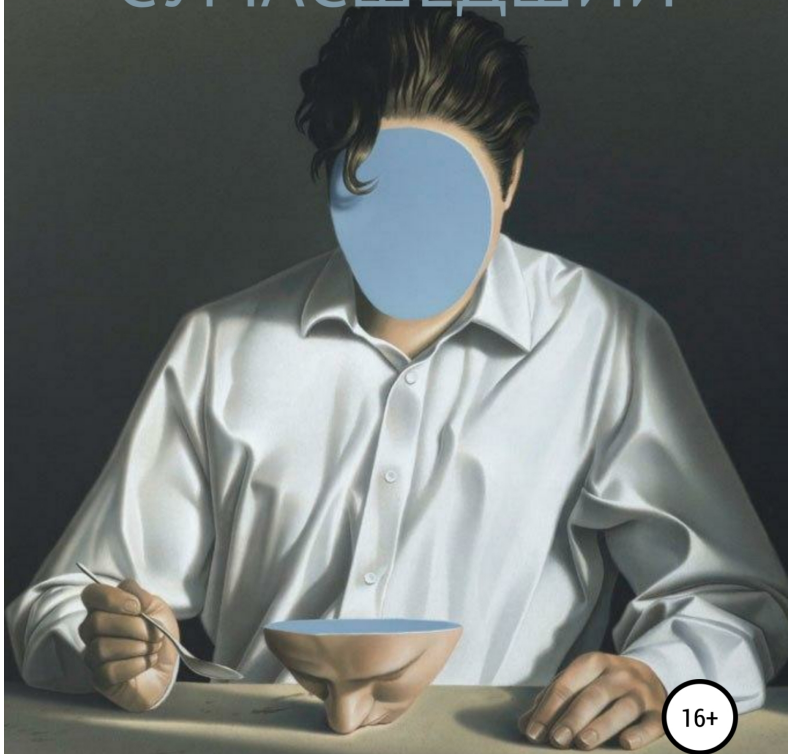

СУМАСШЕДШИЙ

Иван Бурдуков

Иван Бурдуков Сумасшедший

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29423057

SelfPub; 2021

Аннотация

В жизни главного героя всё складывается очень успешно. Однако некоторые детали привносят в его жизнь поразительные изменения. Плыть по течению – одно, а вот в случае, когда требуются решения, становится неловко. Постепенно в его жизни появляется тот, кто может помочь ему в принятии решений. Но вот уже этот кто-то не помогает, а принимает решения за главного героя.

Иван Бурдуков

Сумасшедший

ЧАСТЬ 1

Мир, который был бы хуже нашего, совсем невозможен, потому что он не мог бы и существовать, и значит, наш мир – худший из возможных миров.

Артур Шопенгауэр

1

Моя жизнь многогранна, оригинальна и неповторима.

Так вышло, что я всегда смотрел на мыслителей, учёных, гениальных деятелей прошлого и настоящего, как на достойных кумиров, как на суперзвёзд. Глядя на так называемых звёзд, я по той же причине, видел в них личностей недостойных для самого понимания термина «звезда». Что такое звезда, если подумать? – это нечто великое, высокое, яркое и недостижимое. Гениальный актёр и гениальный учёный – это хоть и авангардные представители абсолютно разных коллей, всё же, для меня важнее выдающийся научный вклад, полезный человеку, чем выдающееся умение человека строить гримасы.

Меня называли вундеркиндом. В три года научился читать, в четыре года писал почти безошибочно, в семь говорил на латыни и на английском, писал уже безошибочно. Я признавал в себе эти незаурядные способности, но всегда их

принижал и пытался развить их сильнее и сильнее – стать недостижимым и непобедимым. Наверное, от страха. Вследствие чего сложилось так, что в двадцать пять лет мне вполне удалось состояться в своей узкой сфере – на кафедре философской антропологии. Я находился под влиянием своих суперзвёзд – это определило моё будущее. Особенно я был известен в моём кругу – университете; но не шире. Я амбициозно стремился стать кем-то в этом мире, чтобы со мной считались, чтобы меня уважали. И нет ничего зазорного в тщеславии, попыткам выделиться из толпы, тем более, когда есть природный дар и все вокруг тебя уверяют в великом будущем, хоть и с таким же рвением льстят и завидуют.

Вскоре в университете я познакомился с милой девушкой, аспиранткой психологического факультета. Её звали Юля. Она выглядела не раскрепощённой и незамкнутой, притягательной простым своим видом. Меня привлёк этот загадочный коктейль целомудрия и откровенности, неясно вписывающийся в стандартные рамки.

При её виде, я мгновенно составил парадигму нашей с ней жизни. Мне нравилось так поступать с неведомым будущим.

Затем, я пригласил её на свидание в ресторан. После ресторана мы прогуливались по вечерней улице, беседовали о многом и разном. Проходя по мостовой, Юля остановилась и посмотрела вниз на тёмные воды реки.

– Прекрасно, не правда ли? – проговорила она.

– Вполне естественно, – ответил я.

– Ну ладно ты, не будь таким серьёзным.

Юля была совсем немного охмелённая, и ей этого хватило, чтобы весы равновесия между раскрепощённостью и скромностью перевесило в нужную сторону.

– Я просто честен.

– Мог бы и приврать, знаешь. Я всё-таки девушка, а ты парень, ухаживающий за мной. Тебя не учили проявлять чуткость? Приврать вполне допустительно.

– Не знал, что этому учат... Впрочем, хорошо, в следующий раз буду врать.

– Ну ты... ты... с тобой не возможно нормально говорить.

– Я пошутил, и я тебя прекрасно понял.

– Замечательно, – ответила она в беспокойном для меня тоне.

– И с чего ты взяла, что я за тобой ухаживаю?.. Просто выпили вместе, посидели, поели, поговорили.

– Скромняжка, – ответила она.

Дальше мы шли молча. Когда мы проходили мимо парка, Юля прилегла на траву, закрыла глаза и пригласила меня присоединиться. Я наблюдал звёзды и знал, что впереди ещё вся ночь. Эта мысль давала право расслабиться, искупаться в ледяной материи космоса, погрузиться в бесконечные объекты для созерцания – звёзды.

Мы лежали минут десять. Потом Юля уснула – я это понял, когда она негромко захрапела. На долю секунды разбудив её, дабы узнать адрес, я взял её на руки и нёс два квар-

тала до дома. Таким чудесным казался тот миг.

Между нами всё сложилось гладко и ясно, без особой поэтической чувственности, про которую следует писать поэмы или романы, однако и по-своему оригинально и неповторимо. Я захотел с ней встречаться, а позже, если выпадет случай, то и жениться на ней. Уже на втором нашем свидании я начал с искреннего объяснения ей обо всех моих намерениях (такое поведение в отношениях я считал наиболее достойным цивилизации, нашей ступени развития), а она, будучи тонким психологом, увидела во мне того, кто ей по-настоящему подходит. Я был открыт перед ней; она видела во мне опору.

– Ты такой один на миллион: открытый и откровенный, – ответила на мои объяснения Юля.

– Сегодня один на миллион звучит оскорбительно, – сказал я.

– А ты меня любишь?

– Думаю, нет.

– Как хорошо, что я тебя тоже не люблю.

– Это придёт со временем, обещаю.

Мы жили трудно, скрывать нечего: она психолог, я философ-антрополог – отношения заведомо сложные. Главное мы жили без лжи и фальши, оттого видимо все трудности. Наши чувства были нестабильными, и это переходило на всё остальное: общение, досуг, поцелуи, как и взаимопонимание, – всё было нестабильно и ни как у всех. Первое время

наши чувства не остывали – сплошная длинная страсть, которая выказывала в нас настоящую жизнь. Мы не создавали перед друг другом трудности с помощью ограничений, культурных рамок для проявления чувств. Мы – были нами всегда, и это пошло только на пользу – так мы смогли стать единым целым. Вскоре мы смогли полюбить друг друга.

2

Поженившись спустя три месяца после начала наших отношений, досконально изучив друг друга во всех смыслах, мы стали по-настоящему близкими и родными. Таков истинный смысл понятия «семья». Не так важен закон, заключающий людей в мнимые узы, сколько одухотворённость и в то же время умиротворённость двух любящих друг друга человека. Мы просто созрели для свадьбы – вот и всё.

В день свадьбы с Юлей, моя мама подошла ко мне и сказала:

– Скажи мне, она стоит тебя?

– Да, – ответил я.

– А ты стоишь её?

– Думаю, мы стоим друг друга.

– Твой отец не стоил меня и ушёл, в то время как ты только пошёл. Ты должен быть уверен в себе и в ней именно настолько, чтобы быть счастливым. Вы должны оба быть счастливы – запомни это. Если поймёшь, что один из вас утратил это совместное счастье, то, настоятельно прошу тебя, лучше закончи со всем. Не морочь никому голову, сынок.

Моя мама – сильная женщина и растила меня таким же. Она прививала мне действительно полезные для жизни качества, давала действительно полезные для жизни советы. Я никогда не видел в ней слабость женщины, но видел в ней силу женщины. Она создала меня и не дала прозябнуть с большинством тогда прозябающих. Я не был любимым, имел одного хорошего друга – Пашу Синилина. Паша был настоящим экстравертом, душой компании. У него была куча друзей, однако для меня он всегда находил время и тем он мне нравился, а ещё тем, что всегда мог выслушать и подсказать дельный совет. Странный парень. Почему-то мне он всегда казался искусственным по отношению ко мне. Мне казалось, что он лицемерно возился со мной, казался другом, и поэтому я всегда ожидал, что ему от меня что-то нужно. По правде говоря, я ожидал от него подлости, предательства – такая вот пессимистическая и недоверчивая у меня натура. Что послужило основой пессимизма: так это либо мои знания, либо людская глупость, – так или иначе ожидание плохого появилось подсознательно.

В пятнадцать лет я закончил школу, и мама сказала мне: – У тебя есть выбор. Огромный выбор. Ты умный и понимаешь что тебе нужно. Может быть, ты ещё этого не знаешь наверняка, но внутри тебя есть та самая искра. Попади на своё место – может это не выйдет сразу, но ищи своё место, пока не поймёшь «вот оно!». Обратись к себе, и ты увидишь своё призвание, свою самую верную стезю. Мать плохого не

посоветует.

Без моей мамы не стало бы меня; это касается, в общем, моего существования, так и меня такового. Она выстроила мой дух. При всех моих способностях к обучению, я не всегда желал в то время посвящать свою жизнь учёбе и науке. Как у всех, у меня были искушения раньше: хотелось пить с ребятами, попробовать наркотики, покурить сигарету, быть, так сказать, «в теме». Моя мама не курила, не пила, но не говорила: «курить плохо», «пить плохо», «употреблять наркотики плохо», – как это обычно делают все. Она говорила: «Когда тебе исполнится достаточно лет для осознания смысла употребления всего того, что употребляют твои сверстники, и ты по-настоящему будешь уверен в том, что не станешь сожалеть об этом, тогда делай всё, что пожелаешь угодным; до того времени за тебя отвечаю я, в первую очередь, перед тобой».

Уже на выпускном я впервые напился, очень сильно напился, и утро обернулось для меня адским мироощущением – похмельем. Мама тогда сказала: «Теперь ты почувствовал последствия своего выбора», – и просто вышла из комнаты. Вот так просто. Не было ничего обычного: ни криков, ни гнева, ни нотаций, ни даже безразличия. Именно такая необычность необходима, чтобы человек воспитал себя сам. Она лишь направляла меня, чуть-чуть, на градус-два поправляла меня на пути, но ни в коем случае не вела меня за руку. Моя мать представляла собой эталон человеческого ма-

теринского инстинкта.

3

Как-то раз, между занятиями, я спокойно пил чай с булочками в столовой и глядел в окно. На улице была зима, и вся земля была покрыта плотным полуметровым слоем снега. Тогда со мной обедал мой приятель Стас Берсенёв – славный парень, преподаватель востоковедения, вечно эстетически прилизан и выправлен, будто получает Нобелевскую премию мира.

В общем, сидим мы со Стасом. Он рассказывает историю о том, как получил двойку в школе. Глупая неинтересная история, да ещё и звучавшая раз в пятый из его уст. За окном я увидел двух маленьких девочек, учившихся, скорее всего, в классе первом, может уже во втором. Милые девственные создания, не познавшие, не вкусившие опасностей окружающего мира. Они шли по заснеженной тропинке, и я пристально смотрел на них из окна, слыша эхо Стаса на заднем плане.

Они проходили мимо бродячей собаки. Одна из этих девочек потянулась с обычным желанием погладить собаку. Я не заподозрил ничего такого, даже после того как собака начала полаивать на девочек. Девочки хохотали и гладили её. Совсем ни о чём не подозревавшие девочки, видящие кругом исключительно добро и ещё совсем не познавшие настоящего огорчения, не выдавшие грубость дикой природы, настоящих проявлений настоящих человеческих чувств. Как

вдруг эта собака укусила одну из девочек за руку, которой она её гладила и начала трепать эту руку, как тряпку. Собака из стороны в сторону болтала головой; лилась кровь. Девочка редела и пыталась вырваться из пасти собаки, но тщетно и только ещё сильнее усугубляла ситуацию – рука была намертво в пасти псины. Вторая девочка побежала и закричала. Я её не слышал, но воображал и чувствовал всю громкость этого душераздирающего крика.

Я сидел и смотрел на эту ситуации. Девочки были беспомощны, вокруг никого не было, бог знает почему. Словно дьявол ниспослал на эту милую девочку своё проклятие. Я не побежал помогать, напротив, наслаждался этим, как это ни странно звучит. Мне это нравилось, был несвойственный ситуации энтузиазм; немножко улыбнувшись, я наблюдал за всем очень пристально, словно я смотрел какой-то очень интересный фильм, держащий в напряжении. Было сочувствие к ним, их было жалко. Тем не менее, я не мог ничего поделать, точно так же, как и ничего не мог бы поделать с героями фильма ужаса.

Стас тараторил и смеялся; я изредка кивал головой, говорил «ага» и выдавливал улыбку. За окном происходило следующее: снег был залит кровью, у собаки изо рта брызгала слюна вперемешку с кровью, девочка сходила с ума от боли и криков. Люди прибежали и начали принимать меры, и тогда мой интерес стал возрастать, как будто «картина» приблизилась к кульминации. Мне стало действительно ин-

тересно: что же предпримут эти люди, ведь собака уже изрядно изодрала руку маленькой девочки? Её рука буквально болталась, и собака вот-вот оторвёт её, а люди начали силой тянуть девочку, так что бедная девочка начала кричать ещё сильнее. «Что же за идиоты», – подумал я. Но они продолжали тянуть её, то за руку, то хватали её и тянули за куртку.

Потом я наблюдал такую картину: два мужика, видимо изрядно подвыпитые (это я понял по тому, как они поставили бутылки пива на землю), схватили девочку и начали дёргать её с невероятной силой – так тянут канат на соревнованиях по перетягиванию каната; собака же трепала руку со своей стороны. В таком положении вещей, как не трудно догадаться, я всё-таки дождался того самого момента: своими усилиями они оторвали ей кисть. Именно они: собака и люди. Кровь сразу же изрядно покрыла землю, а собака ела кисть девочки и к ней никто не приближался. В общем минут десять длилась ситуация за окном и говоря честно, всё мною увиденное не вызвало во мне противоречивых чувств: мне неподдельно понравилось.

После работы ради утоления моего любопытства я пошёл на место событий, чтобы осмотреть его уже непосредственно. Снег был бардовый из-за обильного кровотечения. В сугробе виднелся предмет телесного цвета; присев на корточки я решил посмотреть, что попало в объектив моего зрения. Затем пригляделся и достал из сугроба палец, точнее пальчик, маленький и одеревенелый от холода, как чуть дряблая

морковь. Я с большим интересом начал разглядывать его. Потом постоял там ещё минут с пять, посмотрел вдаль, кинул пальчик в карман пальто и направился домой.

После этого я забыл обо всём, точно ничего не было. Особенного для меня ничего не произошло – у меня просто на время отключились человеческие чувства. Осознание всего происходящего с эмоционально-чувственной стороны пришло ко мне позже. Спустя около недели я вспомнил всё и ужаснулся, отвратился, вплоть до того, что испугался себя и своего поступка. «Я действительно так поступил?» – начал я с вопроса. Меня осенила вся аморальность моего поступка, я понял, что сделал действительно плохую вещь. Я был безразличен, бездейственно наблюдал за страданиями этой девочки. Как я мог так поступить? Очень странно осознавать плохой поступок спустя время. Очень странно.

Позже, закончив со всеми мыслями самобичевания, я перешёл к другой стадии – оправдания себя. То есть, если сначала я выступал как обвинитель, то теперь решил дать слово адвокату. Во мне происходила настоящая дискуссия по этому поводу, жаждающая отыскать правду, подобная судебному процессу. «Если по-сути, то я не сделал ничего действительно плохого. Изменить ситуацию можно было только в ещё худшую сторону, так как собака вцепилась намертво. Ты же видел, что случилось, когда подросла “помощь”? Ты хотел бы быть таким же “спасителем”, непосредственно виновным в уродстве маленькой милой девочки? Хотя о чём ты гово-

ришь? оправдывать себя нельзя, да и оправдать невозможно. В любом случае, от меня не зависело многого. С другой стороны, мне это понравилось – этого скрывать нет смысла, только не от себя», – помню, что я тогда думал.

4

На шестой год нашего брака с Юлей я стал доктором философии. Мне повезло в жизни со всем и со всеми – это ли ни счастье любого человека. «Формально к тридцати двум годам мне удалось состояться как мужу и как профессору, осталось состояться как отцу – и жизнь окончена?» – хороший вопрос.

Жизнь оградила меня от физического труда, бедного детства, недоедания, голодания, психологических травм, дала мне самую лучшую мать и жену и в тот момент я был неуязвим, при том, что жизнь буквально только началась. Я только вышел за порог жизни, только оделся во всё самое роскошное, чистое и тёплое, надушился дорогим парфюмом – я перед всем миром и он весь передо мной.

Друзей как таковых у меня не было. Мыслей копилось с избытком. Делиться ими впрочем, я не желал, и так вышло, что я стал вести длинные беседы сам с собой. Это уже не простой внутренний диалог или полёт фантазии, или воспоминания минувших событий, это действительно прямое их обсуждение с кем-то внутри. Просто одним днём начал беседовать с диковинным соседом внутри себя. Не знаю, что могло побудить этому явлению начало. Возможно, это и есть

жизненная первопричина смысла жизни – неожиданно удивлять человека, ужасать его, восхищать, заводить в тупик.

Внутреннему чуду я дал имя, чтобы понимать: кто есть кто – для этого действительно была причина. С понятием «множественная личность» я мельком был осведомлён, по этой причине я и создал имя внутреннему феномену. Моего дружелюбного соседа стали звать Яков Петрович.

Мне нравилось общаться с самим собой, точнее говоря с Яковом Петровичем. Яков Петрович довольно начитанный человек и хороший собеседник. Мы иногда могли изрядно поспорить, иногда наоборот, согласиться друг с другом во взглядах и мнениях. В чём-то он умнее меня – и это абсолютный факт. Видимо он черпает многое из моих подсознательных знаний, недоступных мне. У него в распоряжении целая библиотека всевозможных книг, которые мне удалось прочитать и поэтому я ему в этом завидую.

И тогда, поразмыслив, я пришёл к тому, что мой спор, после того случая с девочкой – это и был спор между мной и Яковом Петровичем. Только вот кто из нас был обвинителем, а кто адвокатом, понять трудно, так как наши с Яковом Петровичем голоса звучат одинаково.

5

Трудность возникла и поставила передо мной труднейшую дилемму. Оказалось, что Юля не может иметь детей – по словам доктора, по своей физиологической особенности она была бесплодной. Атмосфера в доме стала депрес-

сивно-серой. Былая страсть нашего брака растворилась после заключения доктора. Дилемма ясно гласила: или любить Юлю по-прежнему, или расстаться навсегда во имя своего будущего поколения. Тогда же проявился отчётливый глас Якова Петровича:

– Необходимо прервать этот брак ради твоей природной миссии, ради тебя самого, ради всего твоего и всего людского рода. Ты прозябнешь в этом мире как мимолётное дуновение заблудшего ветра и после тебя, тебя уже не будет.

– Всё верно, это всё верно, но как же любовь? – отвечал ему я. – Как же это чувство, которое нельзя вырвать из души? А если и вырывать, то только вместе с сердцем.

– Будь сильным, ты всегда был сильным. В любом случае решать только тебе, но запомни: я – твой союзник, не твой недруг – и я несу обдуманную правду.

– Нужно думать над этим, и основательно думать. В чём-то ты всё-таки прав. И эта правда меня пугает.

Предстояло серьёзно задуматься. Юля понимала моё гнетущее состояние, понимала, что моя совесть – это сейчас была моя любовь к ней. Я стал пить, отнюдь не ради желания позабыться, наоборот, ради железного смысла решить всё сейчас. Нельзя передать свои чувства по этому поводу, когда приходится прибегать к таким вещам как: расставить все «за» и «против» или попросту рассчитать считалочку, как будто я выбираю цвет обоев в доме и из всех разновидностей осталось два варианта, и я отдаю своё решение фа-

тальному случаю.

У меня тогда появилось наваждение, может быть я сделал роковую ошибку, отдавшись ему, всё-таки что случилось, то уже случилось. Я решил встать ранним утром и дать волю своему настроению, которое никогда нельзя предрешить – просто, как я пожелаю в тот момент, так оно и будет. Всё отдать в лапы фатума, в который моя вера всегда была размыта и скорее скептична.

Я встал с ужаснейшим настроением, и решение единогласно гласило: разорвать всю связь с этой женщиной. Максимально прямо до хладнокровности я изложил ей свою немногословную речь:

– Вымётывайся из дома и чтобы я тебя больше не видел! – Хотя отчасти я не могу быть уверенным в авторстве этих слов – пожалуй, эти слова принадлежали Якову Петровичу.

Она всё понимала и возможно ожидала этих слов – одного из вариантов моего суда над ней. Собрав свои вещи, она улыбнулась, стоя в прихожей, поцеловала меня в щеку и сказала:

– Прощай, мой милый друг.

6

Ранним утром или поздней ночью я сидел в глубоком уединении и ел просроченные омары, оставшиеся после последней пьянки. Вёл беседу с неугомонным Яковом Петровичем на какую-то метафизическую тему. Яков Петрович вошёл в мою жизнь и более не являлся для меня необык-

новенным явлением. Мы банально перекидывались фразами и, в общем-то говоря, были в некоем потерянном состоянии. Счастливая семья в мгновение преобразовалась в две расколотые половинки одного целого. Это так и было: я и Юля были одним целым, – а теперь я как трёхлетний ребёнок небрежно разбил это целое вдребезги.

Моё нутро полыхало гневом, но я не срывался; я не выплёскивал эмоции наружу, не концентрировал их в определённой области, а копил их в себе и всё-таки делал это зря.

– Стоит повеселиться, расслабиться, снять гнетущее напряжение, можно сменить обстановку, – начал Яков Петрович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.